

М. Лермонтов

**Полное собрание
сочинений**

Том 1-2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л49

Л49 **Лермонтов М.Ю.**
Полное собрание сочинений: Том 1-2 / М. Лермонтов – М.: Книга по Требова-
нию, 2017. – 922 с.

ISBN 978-5-517-83678-6

ISBN 978-5-517-83678-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Лермонтовъ вспоминалъ всю жизнь и ихъ онъ унесъ съ собой въ могилу.

Мать Лермонтова, Марья Михайловна Арсеньева — болѣзненная, романтически настроенная женщина, вышла замужъ за Юрія Петровича Лермонтова, сосѣда по имѣнію въ Тульской губерніи.

Ю. П. Лермонтовъ родился въ 1787 году, учился въ кадетскомъ корпусѣ, потомъ поступилъ въ Кексгольмскій пѣхотный полкъ и оттуда перешелъ на службу въ свой же корпусъ. Въ 1811 году онъ вышелъ въ отставку по болѣзни въ чинѣ капитана и поселился вмѣстѣ съ сестрами въ родовомъ имѣніи Кроптовка, Ефремовскаго уѣзда, Тульской губерніи.

Какъ сообщаютъ лица, близко его знавшія, онъ былъ человѣкъ „добрый, отзывчивый, но легкомысленный, несдержанный, въ минуты раздраженія способный на самыя дикія выходки“. Подъ вліяніемъ провинціальной жизни, онъ преждевременно опустился.

По сосѣдству съ Кроптовкой было имѣніе Арсеньевыхъ, Васильевское, куда часто пріѣзжала со своей единственной дочерью Маріей владѣлица имѣнія, Елизавета Алексѣевна Арсеньева, урожденная Столыпина.

Здѣсь познакомился Ю. П. Лермонтовъ со своей будущей женой, которую „плѣнилъ наружностью и столичнымъ лоскомъ“. Марья Михайловна полюбила Лермонтова. Она многого ждала отъ брака съ любимымъ человѣкомъ. Сохранились ея альбомы со стихами на русскомъ и французскомъ языкахъ, повидимому, ея собственнаго

сочиненія. Въ этихъ стихахъ отразилась ея чуткая, мягкая, фантастически настроенная душа.

Семейное счастье, однако, продолжалось недолго. Мужъ былъ рѣзокъ и чуждъ тѣмъ „мечтаніямъ“, которыя грезились матери Лермонтова.

Осенью 1814 года беременная и больная Марья Михайловна съ мужемъ и матерью переѣхали въ Москву. Тамъ, въ домѣ генерала Ѳ. Толя, противъ Красныхъ воротъ, въ ночь со 2-го на 3-е октября родился Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Онъ былъ названъ Михаиломъ въ честь дѣда по матери.

Когда Лермонтовы вернулись обратно въ деревню (они жили въ Тарханахъ, Чембарскаго уѣзда, Пензенской губерніи, имѣніи матери Марьи Михайловны, которымъ управлялъ Юрій Петровичъ Лермонтовъ), ребенокъ не сблизилъ супруговъ, не улучшилъ ихъ отношеній. На отношенія супруговъ вліяло также вмѣшательство бабушки Лермонтова. Она была умной, но деспотичной женщиной (впоследствии товарищи Лермонтова называли ее Марьей Посадницей). Въ дальнѣйшемъ отношенія усложнились присутствіемъ „третьей особы“, съ которой сблизился Юрій Петровичъ.

Болѣзненная Марья Михайловна гасла и тосковала. Свою боль и неудовлетворенное чувство любви она изливала надъ колыбелью сына. Ея болѣзнь, чахотка, все усиливалась, и весной 1817 года Марья Михайловна умерла.

Трехлѣтній Лермонтовъ остался на рукахъ бабушки. Безконечно любившая свою покойную дочь, Елизавета Алексѣевна перенесла эту любовь на сына дочери.

Отецъ Лермонтова уже на девятый день послѣ

смерти жены покинул Тарханы и уѣхалъ въ свое имѣніе.

Хотя любовь бабушки и покрывала все, мальчикъ жилъ окруженный заботами и баловствомъ, но семьи у него не было. Лермонтовъ говорить:

Онъ не имѣлъ ни брата ни сестры,
И тайныхъ мукъ его никто не вѣдалъ.

Больной и рахитичный ребенокъ не имѣлъ отказа во всѣхъ своихъ прихотяхъ. Такая система воспитанія вызывала въ немъ своеволие и впоследствіи выразилась въ непріятныхъ чертахъ характера Лермонтова. Въ пору ранняго дѣтства одинокій и больной ребенокъ оставался съ самимъ собой.

До времени, отвыкнувъ отъ игры,
.....
Онъ началъ думать, строить миръ воздушной
И въ немъ терялся мыслию послушной.

Шести лѣтъ Лермонтовъ задумчиво и долго глядѣлъ на закатъ, усѣянный цвѣтистыми облаками. Воображеніе охватывало его душу, и онъ представлялъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ и студеныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ наѣздахъ, при звукѣ пѣсенъ, подъ свистъ волжской бури.

Героическіе образы съ ранняго дѣтства захватывали юную душу будущаго поэта. И эти образы большею частью носили печать трагическаго, неудовлетвореннаго.

Воспоминанія современниковъ и сверстниковъ Лермонтова подчеркиваютъ его экзальтированность въ дѣтствѣ и болѣзненное самолюбіе въ отроческіе годы.

Мечтательность мальчика развивалась подъ влія-

ніемъ бонны-нѣмки Реммеръ, религіозной женщины, рассказывавшей мальчику фантастическія нѣмецкія сказки. О героическихъ походахъ разбойниковъ Лермонтовъ слышалъ отъ крѣпостныхъ дѣвушекъ въ русскихъ сказкахъ.

Любимыми играми Лермонтова были игры въ разбойника съ дворовыми мальчиками.

Чтобы поправить здоровье внука, бабушка рѣшила лѣтомъ 1825 года свезти Лермонтова на Кавказъ.

Природа Кавказа разбудила въ душѣ мальчика новыя чувства. Восторженными словами Лермонтовъ привѣтствовалъ синія горы Кавказа, которыя взлелѣяли его дѣтство, которыя, говоритъ онъ, „носили меня на своихъ одичалыхъ хребтахъ, облаками меня одѣвали, пріучили меня къ небу, и я съ той поры все мечтаю о васъ, да о небѣ“. „Какъ я любилъ, твои бури, Кавказъ, пишетъ Лермонтовъ, тѣ пустынные громкія бури, котормъ пещеры, какъ стражи ночей, отвѣчаютъ. Все, все въ этомъ краѣ прекрасно. Воздухъ такъ чистъ, какъ молитва ребенка, и люди, какъ вольныя птицы, живутъ беззаботно“.

Кромѣ бонны-нѣмки, первыми учителями Лермонтова были гувернеры-французы. Все это были скорѣе слуги, чѣмъ учителя. Только французъ Капэ сумѣлъ внушить мальчику интересъ и уваженіе къ Наполеону, „герою дивному“ и „мужу рока“.

Гувернеромъ Лермонтова былъ также англичанинъ Виндсонъ, который научилъ Лермонтова англійскому языку и познакомилъ его съ Байрономъ. Позднѣе любимыми авторами Лермонтова были Жуковскій и Пушкинъ. Лермонтовъ сталъ

подражать Пушкину и написал „Черкесы“ подъ вліяніемъ „Кавказскаго Плѣнника“ („въ Чембарѣ за дубомъ“, какъ помѣчено на переписанномъ экземплярѣ). Къ 14-ти годамъ Лермонтовъ увлекался стихами Ломоносова, Державина, Дмитриева, Озерова, Козлова и др., перечитывалъ Шиллера, Лессинга и подъ ихъ вліяніемъ писалъ подражанія.

Лермонтовъ росъ въ обществѣ бабушки, никогда не снимавшей траурнаго платья. Она почти всегда была грустна и задумчива, но мальчику она хотѣла дать общество. Съ этой цѣлью она приглашала въ Тарханы его сверстниковъ — Н. Г. Давыдова, двухъ двоюродныхъ братьевъ Миши, М. Пожогина и А. Шанъ-Гирея. Гостили въ Тарханахъ братья Юрьевы и князья Максутovy. Временами въ Тарханахъ было весело. Шумѣли и играли, танцевали и даже устраивали спектакли.

Осенью 1827 года Лермонтовъ былъ опредѣленъ въ Университетскій Благородный пансіонъ. Онъ поступилъ сразу въ IV-й классъ. Инспекторъ пансіона М. Павловъ увлекался литературой и поощрялъ литературныя занятія своихъ питомцевъ. По старой традиціи, въ пансіонѣ издавались рукописные литературные журналы. Здѣсь-то 14-лѣтній Лермонтовъ въ 1828 году сталъ заниматься „сочинительствомъ“. До этого онъ хорошо лѣпилъ, рисовалъ, занимался музыкой, но „мараніемъ стиховъ“, какъ говорилъ онъ, не увлекался.

Въ ученическомъ журналѣ „Утренняя Заря“ было помѣщено первое литературное произведеніе Лермонтова: поэма „Индіанка“, задуманная имъ раньше. До этого Лермонтовъ писалъ главнымъ образомъ стихи въ альбомы.

Учился Лермонтовъ въ пансіонѣ очень хорошо. Преподаватель словесности въ старшихъ классахъ, А. Мерзляковъ, съ большимъ интересомъ относился къ поэтическимъ опытамъ Лермонтова, хотя и добавлялъ: „молодо, зелено“.

Поступивъ въ пансіонъ, Лермонтовъ, естественно, столкнулся со своими сверстниками. Лермонтову хотѣлось имѣть друга, и онъ искалъ его. Но, къ сожалѣнію, выборъ все оказывался неудачнымъ. Удовлетворенія въ дружбѣ Лермонтовъ не нашель. Онъ стремился заключить „священной дружбы узы“, а его близкіе товарищи не могли ни почувствовать, ни понять „мятежной и пылкой души“ будущаго поэта. Сближеніе съ Сабуровымъ было неудачнымъ. Также не укрѣпилась дружба и съ Дурновымъ, котораго Лермонтовъ называетъ своимъ „первымъ и послѣднимъ“ другомъ. Съ грустью Лермонтовъ пишетъ:

... въ свѣтѣ нѣтъ друзей,
Нѣтъ дружбы нѣжно постоянной
И безкорыстной, и простой.

Но не только Лермонтовъ былъ требователенъ къ друзьямъ. Большинство его товарищей недолюбливало Лермонтова за его насмѣшливый характеръ, колкости и приставанія.

Въ Москвѣ жило много родственниковъ Лермонтова. Онъ у всѣхъ бываль. Чаше онъ бываль въ семействѣ Лопухиныхъ, состоявшемъ изъ старика отца и трехъ кузинъ Лермонтова. Старшей, Маріи, Лермонтовъ позднѣе часто писалъ дружескія письма, называль ее „наперсницей своихъ юношескихъ мечтаній“. Но влюбленъ онъ былъ въ младшую, Вареньку Лопухину. Это была

восторженная, поэтически настроенная дѣвушка, и Лермонтовъ до конца жизни сохранилъ къ ней лучшія чувства, „какъ къ блѣдному призраку лучшихъ лѣтъ“.

На лѣто бабушка Лермонтова уѣзжала со своимъ внукомъ въ Средниково, подмосковное имѣніе своего брата. Здѣсь собиралось много молодежи, Верещагины, Сушковы и другіе. Устраивали пикники, кавалькады. Лермонтовъ все время ухаживалъ за барышнями, влюблялся то въ одну, то въ другую. Но и здѣсь было разочарованіе. Дѣвушки, хотя и были почти одного возраста съ Лермонтовымъ, но чувствовали уже себя невѣстами и подчеркивали то, что Миша еще мальчикъ. Между тѣмъ Лермонтовъ хотѣлъ казаться юношей. Онъ притворялся задумчивымъ и ушедшимъ въ размышленія, пускался въ длинныя разсужденія, декламировалъ поэтовъ, „а мы, говоритъ одна изъ барышень, С. Хвостова, чтобы подразнить его, подавали ему воланъ или веревочку и старались увѣрить его, что ему свойственнѣе прыгать и скакать, чѣмъ прикидываться непопнятымъ и неопѣненнымъ поэтомъ“.

Барышни подсмѣивались и надъ тѣмъ, что Лермонтовъ не только былъ неразборчивъ въ пищѣ, но никогда не зналъ, что ѣлъ, телятину или свинину, дичь или барашка, и говорили, что современемъ онъ, какъ Сатурнъ, будетъ глотать булыжники. Одинъ день очень много спорили объ его гастрономическомъ вкусѣ. Въ тотъ же самый день, послѣ прогулки верхомъ, барышни велѣли напечь къ чаю булочекъ съ опилками. „Мы вернулись домой утомленные, голодные и съ жадностью принялись за чай; и нашъ то гастрономъ, Мишель,

говорить Хвостова, не поморщась проглотилъ одну булочку, принялся за другую и уже придвинулъ къ себѣ третью, но его остановили за руку, показывая на неудобоваримую для желудка начинку“. Лермонтовъ не на шутку обидѣлся, не показывался нѣсколько дней, притворившись больнымъ. Насмѣхались и надъ его наружностью — „неуклюжій, косолапый, съ красными, но умными и выразительными глазами, съ вздернутымъ носомъ и язвительно-насмѣшливой улыбкой“. Особенно издѣвалась надъ нимъ Сушкова, которая являлась его страстью и которой позднѣе Лермонтовъ жестоко отомстилъ за воспоминаія юности.

Однако, молодежь любила общество Мишеля: онъ былъ веселымъ, говорилъ экспромты, эпиграммы и былъ нѣженъ во время ухаживанія.

Весною 1830 года Лермонтовъ былъ принятъ въ Московскій университетъ на нравственно-политическое отдѣленіе, которое потомъ перемѣнилъ на словесный факультетъ. Экзамены Лермонтовъ сдалъ хорошо. Постановка образованія въ университетѣ стояла чрезвычайно низко. Если что и развивало учащихся, такъ это общеніе студентовъ между собою. Въ 11-й камерѣ казенныхъ студентовъ гремѣлъ кружокъ Бѣлинскаго, философствовалъ кружокъ Станкевича, фрондировалъ кружокъ Герцена. Ни съ кѣмъ изъ нихъ не сблизился Лермонтовъ. Онъ все время держался въ сторонѣ, углублялся въ чтеніе какой-либо книги, не слушалъ профессорскихъ лекцій. Со студентами онъ обращался почти грубо, рѣзко отвѣчалъ профессорамъ, подчеркивая ихъ отсталость отъ науки.

Только когда поднималась въ университетѣ какая-нибудь исторія или скандалъ, онъ при-

ставалъ къ массѣ, какая бы опасность ему ни угрожала. Онъ принялъ участіе въ извѣстной Маловской исторіи, когда студенты, выведенные изъ себя грубостью и придирчивостью профессора исторіи римскаго законодательства Малова, выгнали его изъ университета на улицу.

Въ результатъ различныхъ столкновений Лермонтова съ профессорами, послѣдніе срѣзали его на экзаменѣ и предложили остаться на второй годъ. Лермонтовъ обидѣлся и рѣшилъ перейти изъ Московскаго Университета въ Петербургскій.

Отъѣздъ въ Петербургъ для продолженія образованія вызвалъ у Лермонтова чувство сожалѣнія и тоски по Москвѣ, которая, по его словамъ, была „его родина и такою будетъ навсегда“.

Письма Лермонтова этого періода къ М. Лопухиной, Бахметьевой, Верещагиной наполнены жалобами на усталость, тоску, скуку. Проскальзываютъ опредѣленные мысли о непригодности поэта для общества, для людей. Онъ боится, что изъ него ничего не выйдетъ. Ему кажется, что поэзія души его погасла.

„Назвать Вамъ, спрашиваетъ Лермонтовъ М. Лопухину, всѣхъ у кого я бываю? Я самъ та особа, у которой бываю съ наибольшимъ удовольствіемъ... Я нашель, что лучшій мой родственникъ — это я самъ“. С. Бахметьевой онъ пишетъ: „Надоѣло. Всѣ люди — такая тоска. Хоть бы черти для смѣха попадались. Что толку жить?“ спрашиваетъ Лермонтовъ, и — отвѣчаетъ: „Безъ приключеній и съ приключеніями тоска вездѣ“.

Именно для этого періода характерно его стихотвореніе „Парусъ“, въ которомъ онъ спраши-

ваеть: „что ищетъ онъ въ странѣ далекой?“ — и отвѣчаетъ: „Увы, онъ счастья не ищетъ... Онъ мятежной просить бури...“

Въ Петербургскій университетъ Лермонтова не хотѣли принять безъ экзамена и не хотѣли зачесть ему двухъ пройденныхъ имъ семестровъ. Ему предстояло, такимъ образомъ, поступить снова на первый курсъ и кончить образованіе только въ 1836 году. Лермонтову же хотѣлось скорѣе сдѣлаться независимымъ человѣкомъ. Ему казалось, что онъ сможетъ тогда устроить свою жизнь иначе. По совѣту своего друга Столыпина, Лермонтовъ рѣшилъ избрать болѣе короткій путь. Онъ рѣшилъ поступилъ въ Школу гвардейскихъ прапорщиковъ, чтобы затѣмъ быть принятымъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ.

Рѣшеніе внука такъ опечалило бабушку, что она даже захворала при мысли, что внукъ, поступивъ на военную службу, рискуетъ подвергаться всѣмъ опасностямъ войны. Родственники Лермонтова также были противъ его рѣшенія. Лермонтовъ, все же, настоялъ на своемъ, сдалъ вступительный экзаменъ и былъ принятъ въ школу 10 ноября 1832 года.

Два года пребыванія въ военной школѣ внесли новое въ личную жизнь Лермонтова. Поступая туда, Лермонтовъ писалъ М. Лопухиной: „До сихъ поръ я жилъ для литературной карьеры, принесъ столько жертвъ своему неблагодарному кумиру и вотъ теперь я — воинъ“. Лермонтовъ хотеть убѣдить себя и Лопухину, что такова воля Провидѣнія, и что это — „путь кратчайшій къ первой цѣли“, чтобы скорѣе оказаться на свободѣ.

Попавъ снова въ общество молодежи, въ военной